

*Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарику,
озаряющим мою жизнь*

Непреднамеренные на вид действия оказываются <...> вполне мотивированными и детерминированными скрытыми от сознания мотивами*.

ЗИГМУНД ФРЕЙД

After We Meet
I HAVE A TRIBE**

* Зигмунд Фрейд. Психопатология обыденной жизни. Перевод под ред. М. Тершиной. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

** Псевдоним ирландского музыканта Патрика О'Лири.

Глава первая

Четыре года прошло. Четыре года с тех пор, как их не стало. Родители бросили меня четыре года назад. Сегодня, в один из последних дней февраля, как и четыре года подряд, я пришла и села на скамью из кованого железа напротив оливы, которую мама так любила. Все четыре последних года я прихожу сюда, чтобы высказать свое горе и гнев. А заодно и прощение. Если честно, как можно злиться и обижаться на самых потрясающих людей, с которыми мне довелось встретиться?

В моей бесконечной любви к родителям ничего необычного. Помню, слышу, как мама повторяет, что я — их маленькое чудо. Родители безумно любили друг друга, и им долго хватало жизни вдвоем. Но все же однажды они захотели увеличить число обитателей своей любовной башни из слоновой кости. Жизнь припасла для них сюрпризы — как хорошие, так и плохие. Обзавестись ребенком у них не получалось, но эта трудность не отдалила их друг от друга, а, наоборот, сблизила. Они всячески поддерживали легенду, согласно

которой я в конце концов выглянула на свет божий благодаря их силе духа. Впрочем, какая разница, почему я существую уже тридцать девять лет. Когда это случилось, они легко и естественно перешли от дуэта к трио. Меня баловали, любили, воспитывали, хвалили, временами ругали. Они дали мне все, чтобы я могла двигаться по жизни правильным путем. Я росла в счастливом доме, где моих друзей встречали с распростертыми объятиями. Благодаря родителям и той свободе мыслей, которой они меня наделили, я могла себя искать, себя найти и понять, кем хочу стать. И вот однажды они узнали, что какая-то дрянь пожирает мамины нейроны один за другим. Скоро мама не будет никого помнить, даже забудет, кто она такая. Желая меня оградить, они, естественно, скрыли это и превратились в замечательных актеров. Мама всегда была рассеянной, а папа, когда я приезжала, все время оставался начеку, так что я долго ничего не замечала. Я жила далеко от них, в Париже, и когда я навещала их в доме в Провансе, они делали все, чтобы сберечь свою тайну. Кто-то скажет, что я была недостаточно внимательной, и, возможно, это правда, но даже если бы я заподозрила неладное, ничто не остановило бы адский водоворот, в который их затянуло. Я поняла это, читая их письмо. В нескольких строчках, которые теперь обратились в пепел вместе с ними, они извинялись за страдания, которые причинят мне, однако, утверждали они, им также известно, что останься один из них на свете в одиночестве, этот оставшийся принес бы мне еще больше мучений.

Они просили у меня прощения за эгоизм влюбленных. Их любовь все смела на своем пути, включая единственную дочь.

— Ортанс?

Улыбка осветила мое лицо — я услышала нежный голос Кати, моей лучшей подруги, сестры, которой у меня в семье не было и которую я встретила на своем первом уроке танцев тридцать пять лет назад. Я оглянулась — она приближалась, поживаясь в толстой шерстяной куртке. И кто сказал, что в Провансе всегда хорошая погода? Сейчас она в точности соответствовала моему печальному настрою: пасмурно, ледяной мистраль пробирает до костей. Я уговорила Кати сесть на скамейку рядом со мной. Она осторожно присела на краешек, взяла меня за руку и, как я, стала неотрывно смотреть на оливу.

— Жаль, что ты не можешь остаться еще на день-другой, — прошептала она. — Ты так редко к нам приезжаешь...

Я тяжело вздохнула, меня накрыла новая волна грусти.

— Согласна, мне тоже недостает нашего общения. Но ты же знаешь, я приезжаю только на свидание с папой и мамой, я не могу отсутствовать дольше.

— Что ж, это хороший признак. Значит, в школе полный набор?!

— Похоже, да.

— Тебе известно, когда ты приедешь этим летом?

— Точно пока не знаю, но не позднее уикенда Четырнадцатого июля. В ближайшие дни начну

подготовку к летнему курсу и запуску бронированные комнат в моем доме.

Я отказалась расставаться с родительским домом возле деревушки Боньё, расположенной высоко на одном из склонов Люберона. Когда-то, когда они окончательно перестали надеяться на рождение ребенка, родители вложили все накопленные деньги в эту развалюху, требовавшую восстановления, — старую ферму, которую они шутливо окрестили “Бастидой”*, — решили уехать из города и поселились там. Этот безумный проект должен был стать их младенцем, но вскоре им и впрямь понадобилось греть бутылочки с молоком и менять подгузники. Все мои воспоминания, связанные с ними и с Кати, относились к этим местам. А когда папе стало ясно, что дочь раз и навсегда подчинилась одной-единственной страсти, он отремонтировал старый, на тот момент пустовавший сарай и превратил его в репетиционный зал ничуть не хуже тех, где занимаются танцоры-профессионалы. Самоубийство родителей в собственном доме не повлияло на мою привязанность к этим стенам. Здесь они любили друг друга, здесь они зачали меня, здесь они любили меня, а их прах покоится у подножия *их оливкового дерева*. Разве могла я даже мысль допустить, что эта земля и эти камни перейдут в чужие руки?

* От *франц.* la bastide — старое название усадебного дома в Провансе, а также укрепленный средневековый город на юго-западе Франции.

— Ты проверила дом? — спросила Кати. — Все в порядке?

Всякий раз, когда в феврале я приезжала на встречу с родительской оливой, она и ее муж Матье принимали меня в своем деревенском домике. Было бы нелепо да и слишком сложно открывать “Бастиду”, чтобы пожить там сутки или двое. Я обожала минуты, проведенные у них, наполненные безмятежностью, покоем и душевным теплом. Оба они были наделены талантом делать добро — каким-то жестом, маленьким знаком внимания, скромным и не показным, они возвращали радость самым подавленным и печальным. Пять лет назад у них родился сын, но это никак не изменило их поведение: открытость и щедрость по отношению к тем, кого они любят, стали только заметнее. Я блаженствовала, слушая рассказы об их простой, естественной жизни, которая была для меня воплощением чистоты. Кати занималась пчеловодством, а у Матье было собственное предприятие по уходу за деревьями и кустарниками.

— Мне кажется, “Бастида” хорошо переносит зиму, — ответила я.

— Ты знаешь свой дом... Как только потеплеет, мы будем регулярно открывать его и проветривать.

— Большое спасибо, но вы и так очень заняты. Не тратьте время...

— Мы это делаем с удовольствием, пора бы уже усвоить.

Она встала и протянула руку, чтобы помочь мне тоже подняться.

— Если не хочешь опоздать на поезд, пора идти.

Я вдохнула полные легкие воздуха, чтобы набраться храбрости, потом отпустила ее руку и пошла попрощаться к оливе. Я погладила ладонью кору и прижалась к стволу щекой:

— Я люблю вас, папа и мама. До лета...

По дороге мы с Кати болтали не переставая. Такая себе женская трескотня, чтобы заглушить тоску, заставить отступить пустоту, которая грозила вот-вот накрыть нас. У нас был свой ритуал — мы чирикаем вплоть до выезда со скоростного шоссе. При подъезде к вокзалу, на последних нескольких сотнях метров перед неизбежным расставанием, в машине воцаряется глухая тишина. Кати останавливается рядом с прокатными автомобилями и не выключает двигатель, я выхожу одна, она никогда не провожает меня до платформы — ни она, ни я не хотим лить слезы на людях. Я говорю ей: “Спасибо, поцелуй Матье и береги себя”, она мне отвечает: “Рада была повидать тебя, поцелуй Эмерика, Сандро и Бертий и займись собой наконец-то, черт возьми”. Последний поцелуй в щеку, и я выхожу из автомобиля. Перед тем как войти в здание вокзала, я оборачиваюсь, машу ей, улыбаюсь, а она, отъезжая, жмет на гудок. И только после этого на меня наваливается свинцовая плита, и я живо представляю себе, как Кати смаргивает слезы. Проходили годы, я окончательно уехала отсюда больше пятнадцати лет назад, жизнь в Париже дарила мне радость, счастье и профессиональное удовлетворение. Прежняя привязан-

ность к родному Люберону никуда не делась, но мне бы никогда не пришло в голову покинуть столицу — ее кипящий бурной деятельностью муравейник, ее огни, звуки, зрелища, ночная жизнь покорили меня. И все-таки при каждом отъезде из Прованса душа рвалась на части, в горле появлялся комок и накатывало чувство одиночества. Напоминала о себе вечная брешь в груди, которая никогда не заполнится и к которой смерть родителей не имела никакого отношения. Эта брешь захлопывалась сама собой, как только я ступала на платформу Лионского вокзала, тут меня втягивал круговорот моего существования, настроение резко улучшалось — я была счастлива вернуться в свою школу.

Да, мы были по-прежнему уверены, что идейным руководителем танцевальной школы остается наш наставник Огюст, однако вот уже пять лет, как ею занимались мы с Сандро и Бертий. В двадцать пять я закончила многолетние выступления на разных сценах — маленьких, средних, но никогда не на больших. Я была недостаточно серьезной и дисциплинированной, чтобы удостоиться доступа к этому святому Граалю. Когда после нескончаемых занятий в балетном училище меня от них начало тошнить, я решила путешествовать, получать удовольствие от молодости, заниматься тем и сем, без сожаления захлопнув за собой двери классического танца. Понадобились все более обеспокоенные взгляды родителей, опасавшихся за мое будущее, чтобы я признала очевидное

и взялась за ум. Если я буду и дальше вести себя как вечный подросток, я никогда ничего не выстрою. Пора повзрослеть и чего-то добиться, чтобы они гордились мной. Я постаралась понять, способна ли моя страсть дать мне средства к существованию или, к сожалению, придется расстаться с ней. Для этого я пришла на просмотр к Огюсту, о котором мне было известно, что он жесткий, но справедливый. Более двадцати лет он руководил престижной танцевальной школой, после чего решил отдать свои силы исключительно подранкам, нонконформистам, ученикам, которые не вписывались в общепринятые стандарты, и помочь им раскрыть себя. На показе стресс уничтожил все результаты упорных репетиций, и мое выступление обернулось полным фиаско. Тем не менее он взял меня на свой курс. Вот так я и познакомилась с теми, кто станет потом моими партнерами, с Сандро и Бертий.

Сандро тогда только-только прилетел из Бразилии, намереваясь серьезно совершенствовать мастерство. Он высоко ценил свой талант, однако хотел спуститься на пару ступенек с пьедестала, вернуться на грешную землю. В результате он так и остался в Париже насовсем. Когда он шел по улице, все головы поворачивались к нему — конечно, кожа с медным отливом и атлетическое сложение притягивали взгляд, но стоило зазвучать его голосу с теплым акцентом, и сомнений не оставалось: перед тобой не просто красивый мужчина, а благородный человек редкостной доброты, с великолепным чувством юмора. В движении его